

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. ГОРОДИЛИНОЙ.

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В АЛАПАЕВСКЕ.

Я приехала в Алапаевск в сентябре 1947 года. Никогда прежде мне не доводилось бывать ни в одном музее и ни с какой стороны я не соприкасалась с этой сферой. Но, начав работать в музыкальной школе /с осени 1948 года/, вдруг оказалась рядом с краеведческим музеем,, и так, будто всю жизнь мне его не хватало. Но по природе своей будучи стеснительной, я боялась войти в него, ведь дух музея казался мне святыней.

В те годы музей занимал второй этаж /мезонин/ дома, где располагалась детская музыкальная школа, и вход со двора у них был общий: в ДМШ по коридору прямо, а в музей по лестнице вправо и наверх, в мезонин. Лестничная площадка вела в коридор, по обеим сторонам которого находились большие в три окна каждая светлые комнаты. В правой из них-отдел природы, в левой-исторический.

Во всем доме до конца 50-х годов было печное отопление. Кабинет заведующей музеем располагался в бывшей гардеробной, здесь же хранились музейные фонды, не вошедшие в экспозиции, часть их лежала на чердаке и ещё в двух больших комодах, стоявших по обе стороны в коридоре.

Обязанности заведующей исполняла в то время Шадрина А.М., невысокая, полноватая, средних лет блондинка с голубыми глазами.

Женщина была очень приветливая, улыбчивая, любящая свое дело. Кажется, у неё не было специального образования, а, возможно, и среднего. Но работу свою она любила и отдавалась ей всею душой.

Когда я впервые пришла в музей, в нем очень активно работал Николай Петрович Абрамов. Судя по всему, музей уже пережил свой расцвет, благодаря краеведам-энтузиастам, которые и пополнили его фонды. Именно тогда открылся и отдел природы, при котором действовал кружок юных краеведов. Школьники ходили в походы, возглавляемые Н.П. Абрамовым, приносили немало интересных экспонатов. В этом отделе я увидела огромные кости мамонта, лося, карты, красивые красочные олеографии из истории и природы края /по-видимому, ещё дореволюционные/, минералы и много ещё чего я не запомнила. Незадолго до моего появления исторический отдел был реорганизован, но он меня не интересовал и я помню только заново сделанную экспозицию, посвященную Чайковским. Однако сама я ещё очень мало знала о нём и изучение периода жизни семьи великого композитора и его самого в Алапаевске позднее сделалось моей главной деятельностью. Помню, но смутно, что в данном отделе было и о Грум-Гржимайло, и о прежних краеведах города, их биографии, портреты. Но в основном - Великая Отечественная война. А об истории Алапаевска и края, кажется, материалов совсем не было, иначе я бы запомнила хоть что-то. Поэтому, наверное, Н.П. Абрамов и как раз "горел" этой темой, и она же тогда привлекла к себе мое сердце и душу. Николай Петрович Абрамов преподавал историю и вся его деятельность в музее была направлена на другие исследовательские работы и изучение истории края. Он систематически проводил

чтения и беседы на эту тему, организовывал походы с ребятами по изучению быта, этнографии, природы. Я, участвуя в них, делала зарисовки с натуры характерных строений, рисовала участников похода. Но со временем эти наброски потерялись.

Но Н.П. Абрамов работал увлеченно, со знанием дела, музей очень любил и как-то даже сделал макет Дворца культуры АМЗ, который долго хранился, и вероятно, хранится до сих пор в фондах музея. А планы его занятий в кружке и материалы похода 1949 года, также должны быть в фондах.

Расскажу немного об этом походе. Цель его -исток речки Алапаихи, длина пути -70 км., начало пути -вверх по речке, затем идя по речке Вогулке до Кукайского ельника, где находится избушка погибших революционеров в гражданскую войну, далее -плотина старого завода в Верхней Алапаихе. Частые привалы в лесу, на берегах рек, костры, ночевка в просторной и чистой избе с огромной русской печью в какой-то деревне, осмотр старинных строений и домов, остановка в деревне Ключи, плюс клуб в бывшей деревянной церквушке, и песни и пляски молодых парней и девушек по вечерам, когда у каждого парня - неизменный цветок в фуражке, и торчащий из-под неё чуб, а у девушек - цветастые сарафаны и летние платья- всё это и сейчас стоит перед моими глазами. Заходили мы и на речку Синячиху, видели на мысу старый-престарый дом под высокой крышей, дышавший таинственностью, в котором когда-то жили люди, не оставившие следа, о которых мы ничего не знаем... И длинный-предлинный мост, легкий и свежий, как будто вчера построенный, через реку Нейву, по которому мы проходили гуськом... Это было так красиво, что я даже успела сделать набросок.

Таким остался в моей памяти этот поход.

Но вернемся к музею. Постепенно он впадал в забвение. В 60-е годы из него ушел Н.П. Абрамов, более активной деятельности уже никто не проявлял, музей не давал дохода и встал вопрос об его закрытии. В области приняли решение все безодходные неперспективные периферийные музеи ликвидировать. Некоторые, правда, сумели отстоять свою самобытность, к примеру, Ирбитский с его фондом, сохранившимися от прославленных купеческих ярмарок. В Алапаевске же от 300-летней истории остались лишь крохи городских и заводских фондов, т.е. от сгоревшего огромного архива, на базе которых и был частично организован первый краеведческий музей в 1932 году.

Итак, о судьбе музея. Как-то в бытность А.Шадриной в Алапаевск приезжал директор областного музея и мне довелось с ним беседовать. Я думала, что он озабочен судьбой нашего музея, /а сама в тот момент была полна энтузиазма и счастлива тем, что к музею проявили интерес/, но оказалось это далеко не так. Вскоре музей перевели вниз и дали одну комнату в половине дома, занимаемого пионерией. В неё вошли только чучела зверей и отдел природы, а исторических экспонатов я не видела и не знаю их дальнейшей судьбы.

Я в то время уже занималась исследованием жизни Чайковских в Алапаевске и часто ездила в г. Свердловск. В одну из таких поездок зашла в областной краеведческий музей и при встрече с его директором /тем самым, что был в Алапаевске/ горячо говорила в защиту нашего музея, в несправедливое к нему отношение. А вернувшись домой, вскоре увидела: начались комиссии, проверки

инвентаризация и т.п., и, наконец, музея не стало.

К сожалению, запомнила фамилию тогдашнего его временного директора. Было это в 1960-м году.

Позднее я интересовалась фондами бывшего музея, что сохранилось и куда все подевалось. Книга передачи экспонатов осталась у последнего директора и как ненужную, он отдал её мне.

Простудировав её, я не обнаружила ничего стоящего внимания. Неужели, думала я, в музее действительно не было ничего интересного? Много, что не взяли областной и Н-Тагильский музеи, осело в местных школах, например, все чучела птиц и зверей изъела моль на чердаке школы №2 /что напротив Дома Чайковских/. Мне говорили, что там же хранились фуги от какого-то органа, но я их не видела. Знаю, лишь, что большие черные шкафы из имущества Дома Чайковских находились в этой же школе. И я успела зарисовать один из них. В школу №4 отдали все музейные фотографии и учительница Молокова часто устраивала из них тематические выставки. Но вскоре её перевели в район и все фотоматериалы оказались никому не нужными, их упаковали в ящики и сложили под лестницей. Школьники время от времени вскрывали ящики и растаскивали их содержимое. Об этом с горечью рассказывала все та же Молокова.

Когда вновь стали создавать музей /по инициативе ветеранов и М.И. Аликина/, то много фотографий для него передали из библиотеки горкома партии. Да и мне в музей Чайковского не раз приносили снимки старого города, сами не зная, откуда они у них.

Через несколько лет, примерно, в 1966 году, при разборке гаража отдела культуры, находившегося в саду Дома Чайковских, был выкинут сундук с архивными материалами из истории Алапаевска. Когда я об этом узнала, было уже поздно, содержимое сундука увезли на склад утильсырья. Я поехала туда и вовремя: там как раз в сарае, свежая, привезенная куча бумаг, ещё не была завалена. Это был оставшийся архив из старого музея! Значит отдел культуры несколько лет хранил его в своем гараже и никто им даже не поинтересовался! А это ведь документы: дача Алапаевского завода /округа и господского дома/, возможно, чертежи и планы. Разрывая кучу, я нашла заводские отчетные книги, правда, за 1825 год и второй экземпляр акта передачи и ликвидации музея в 1960 году. А также массу квитанций и пенсионных счетов. Когда их после унесли в городской архив, там очень обрадовались, ведь они /эти документы/ понадобятся потом колхозникам для начисления пенсий. Одним словом, было многое утрачено безвозвратно.

Но все же самое большое несчастье для города совершилось, когда сгорел его исторический архив. Я точно не знаю, когда это случилось: то-ли в 1928, то-ли в 1931 году. Дореволюционный Алапаевский завод ежегодно посылал свои отчеты в главное управление наследников Яковлева в Санкт-Петербург и они должны сохраниться в его архивах. Насколько этот фонд №51 изучен нашими краеведами, сказать трудно.

Когда Алапаевск отметил своё 350-ЛЕТИЕ, я заинтересовалась его историей, но избрала своей темой только быт и культуру /одежда, ремесла, занятия, творчество/ XVIII века и в последующее время.

Но данных оказалось очень мало. Практически, за период
XVIII-XIX веков выявлено лишь одно имя -Софонова И.Е.!

Я убеждена, что были таланты и специалисты в этом городе во
всех областях: музыканты, певцы, кузнецы и другие мастера,
но как узнать?

В. Городилаина

г. Алапаевск, 10.06.49 г.

Туристический поход по реке Алапаихе вверх /Кукайский ельник,
д. Ключи и т.д./ под рук.Абрамова Н.П.от краеведческого
музея, бывшего в Алапаевском Доме Чайковского с 1932 по 1960г.

Поход начался от школы №4, где был сбор.

Иллюстрации и текст автора

“КЛАЗКИ
МОЕГО ДЕТСТВА”

Воспоминания
о жизни с 1911 по 1924 г.
в гор. Никольск. Уссурийский

Б.Алапаевск 1996 г.

-31-

Рисовать иллюстрации к тому немногому, что сохранила моя память, решение пришло на ум недавно, 23 июня, что и было исполнено скоро, к 20 июля 1996 года. Дополнено и завершено 9 августа того же года.

Семья Янченков, где мы жили, была многочисленная. Родители мамы украинцы Дудко, переселенцы из Черниговской губ. на Дальний Восток в XIX веке. Семья большая, твердых правил, добротная, где из детей мама была старшая, но к началу XX ст. все выросли и разъехались кроме двух младших моих теток — Зины и Ольги. Мама вышла замуж за учителя Чуряковского Бориса Юрьевича и сама тоже учителем работала. Мы с братом Володей родились в 1911 г. и 1912. и жили постоянно в семье бабушки до отъезда из Н. Уссурийска в 1924 г. с мамой.

Здесь у меня 16 рисунков, можно было бы найти сюжетов больше и они есть (например, жизнь в Москве, когда мне с братом было 3 и 4 года, или посещение «Бабушки Дудчихи» в Хабаровске в мои 7 лет, и другие мелочи), но нарисовав одним духом то, что относилось к жизни собственно в Никольске, я успокоилась и со временем, может быть, продолжу остальное.

А сейчас изложу комментарии к рисункам, которые сделают их понятными, укажут предисторию и увяжут связь между событиями. Конечно, мне бы хотелось, чтоб дублеты этих рисунков попали когда-нибудь в мой родной город Уссурийск и напомнили ему о живших когда-то в нем больших семьях и их потомках — Алапаевцах.

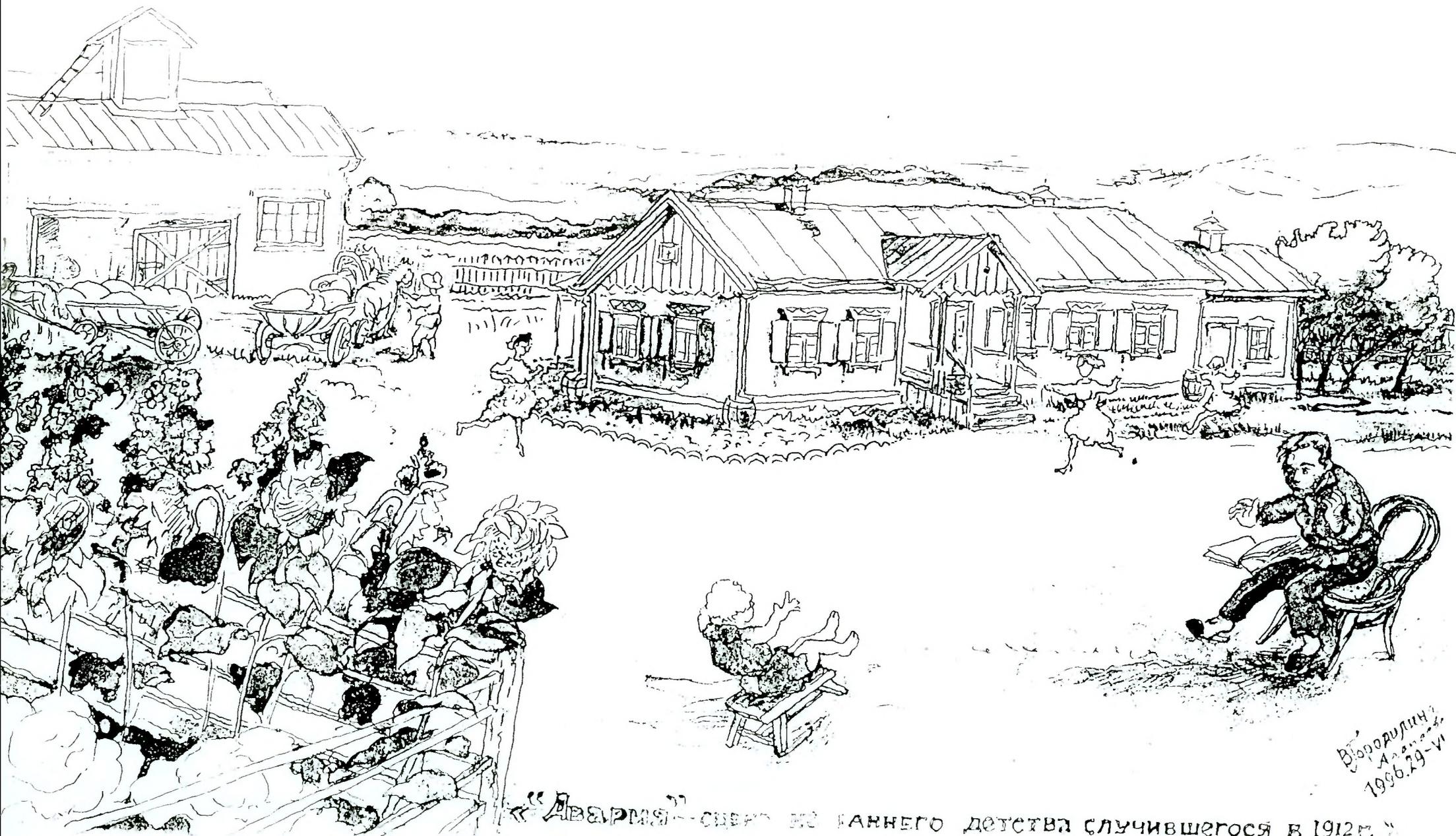
Пояснения к рисункам в конце альбома.

Чудаковские Евдокия Ивановна, Валентина, Вера. Москва, 1945г.

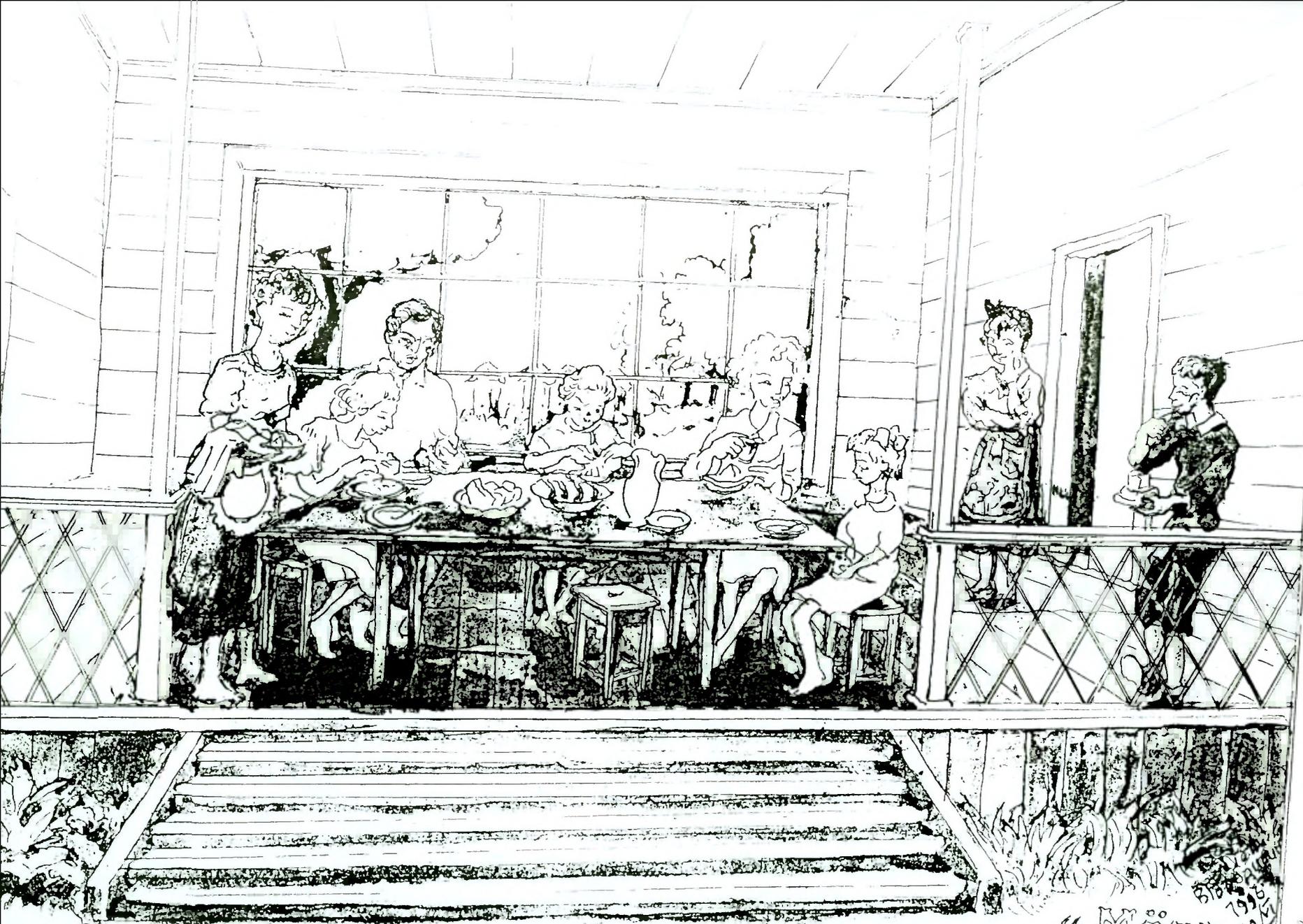

Николюк
Уссурийский
«Упрямая девица»
1915-1916

«ДВАРМЯ» - сценарий по раннего детства случившегося в 1912г.

В. Воронин
1996.29-VI

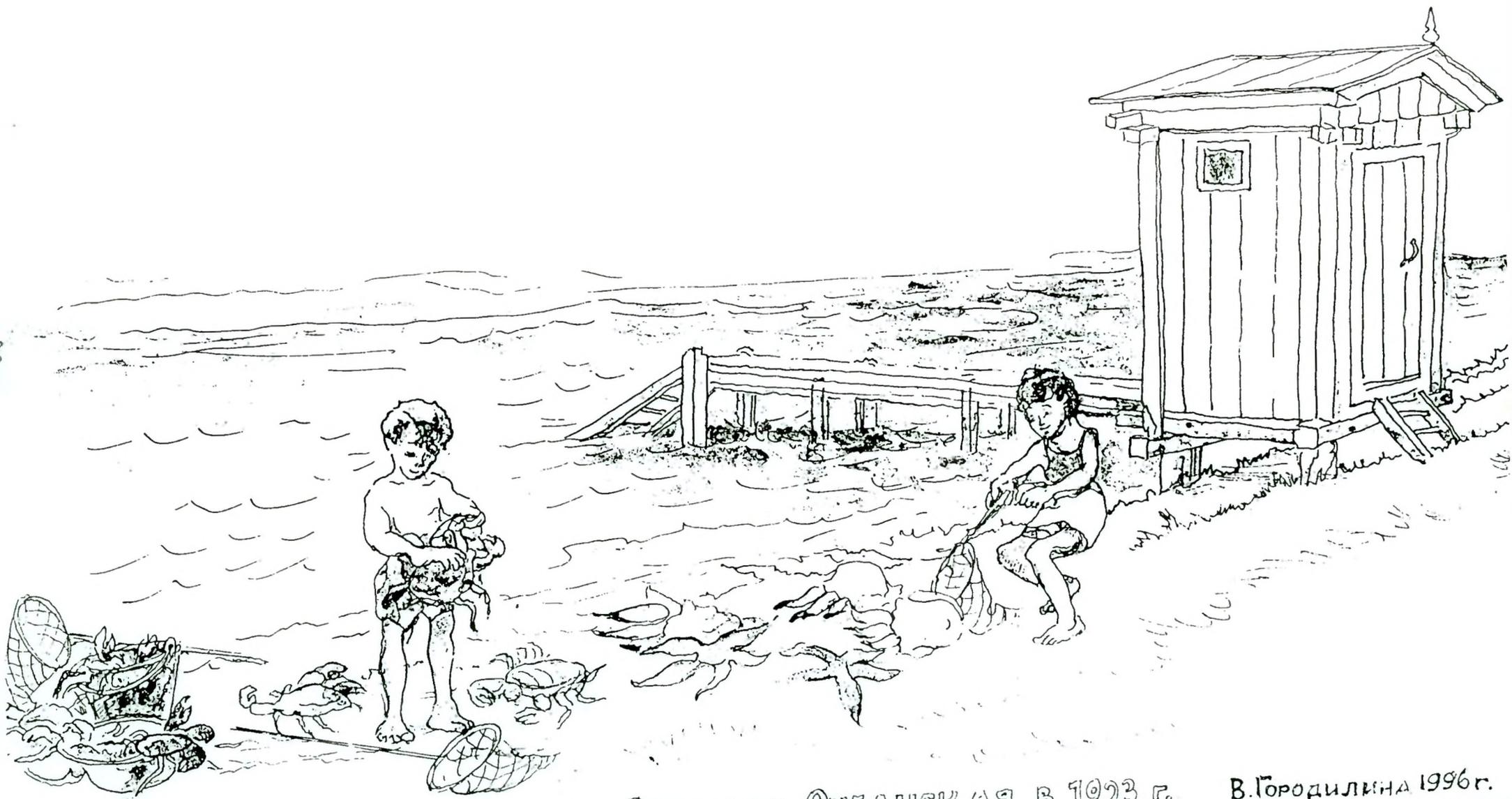
НА ПАСЕКЕ В БЕНЕВСКОМ. 1918 г.

Лето 1918 г. мы жили на пасеке хутора села Беневского с
отцом. Утром на завтрак всем дали по большому куску
сот с медом, а мне, шутя, только капельку с ложечки
на блюдечко. Я сидела тихо-тихо, а слышала кап, кап, кап....
В.Т. Алановск 1996, 30 июня.

Прогулка в лес. Село Бенеvское. 1918г.

Пятница с деревня. 1996-VI. В. Гордунина. А. Лаптева.

Ловля крабов после отлива. Станция Океанская в 1923 г.

В. Городилина 1996 г.
2 июля. Алапаевск

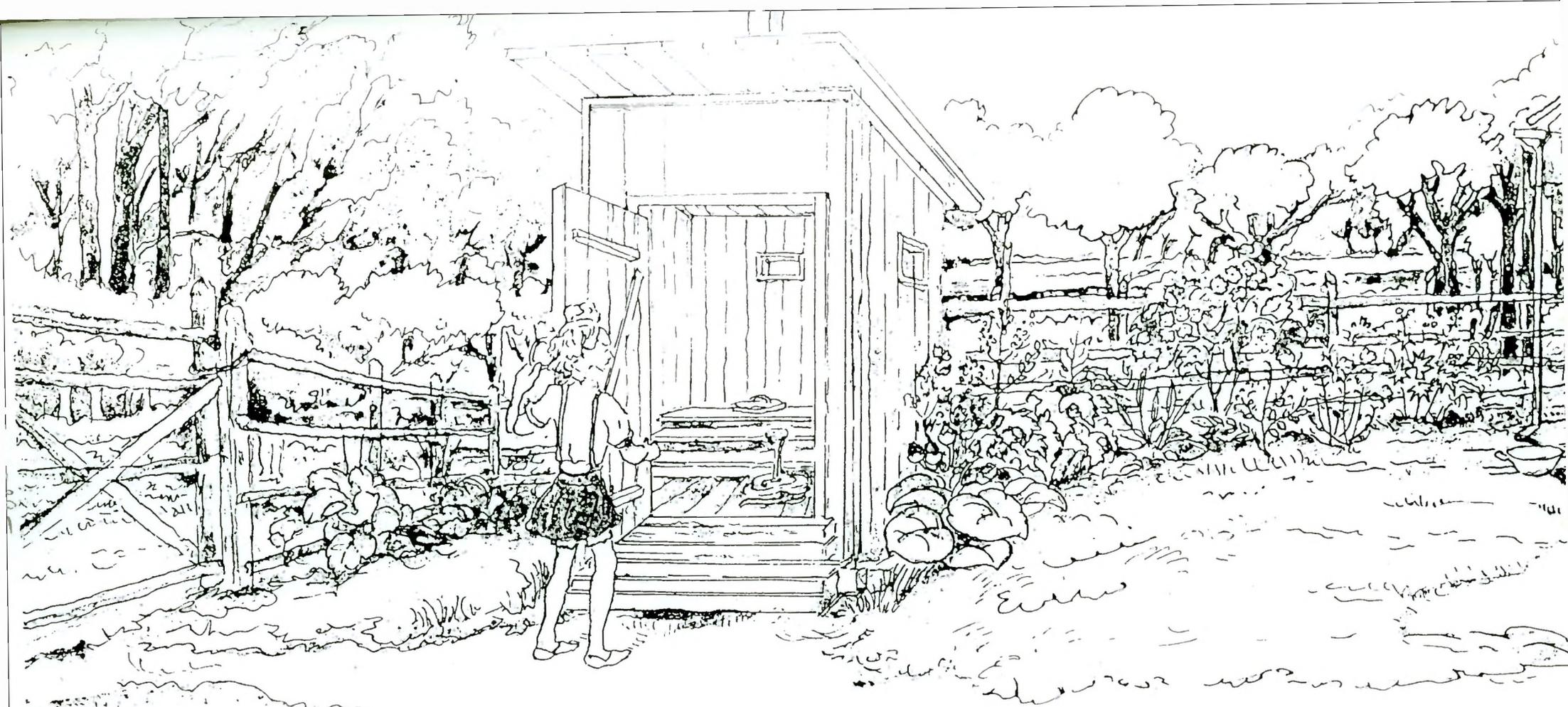

рис. В. Городицкой
Апаевск
1981 г. 14/11

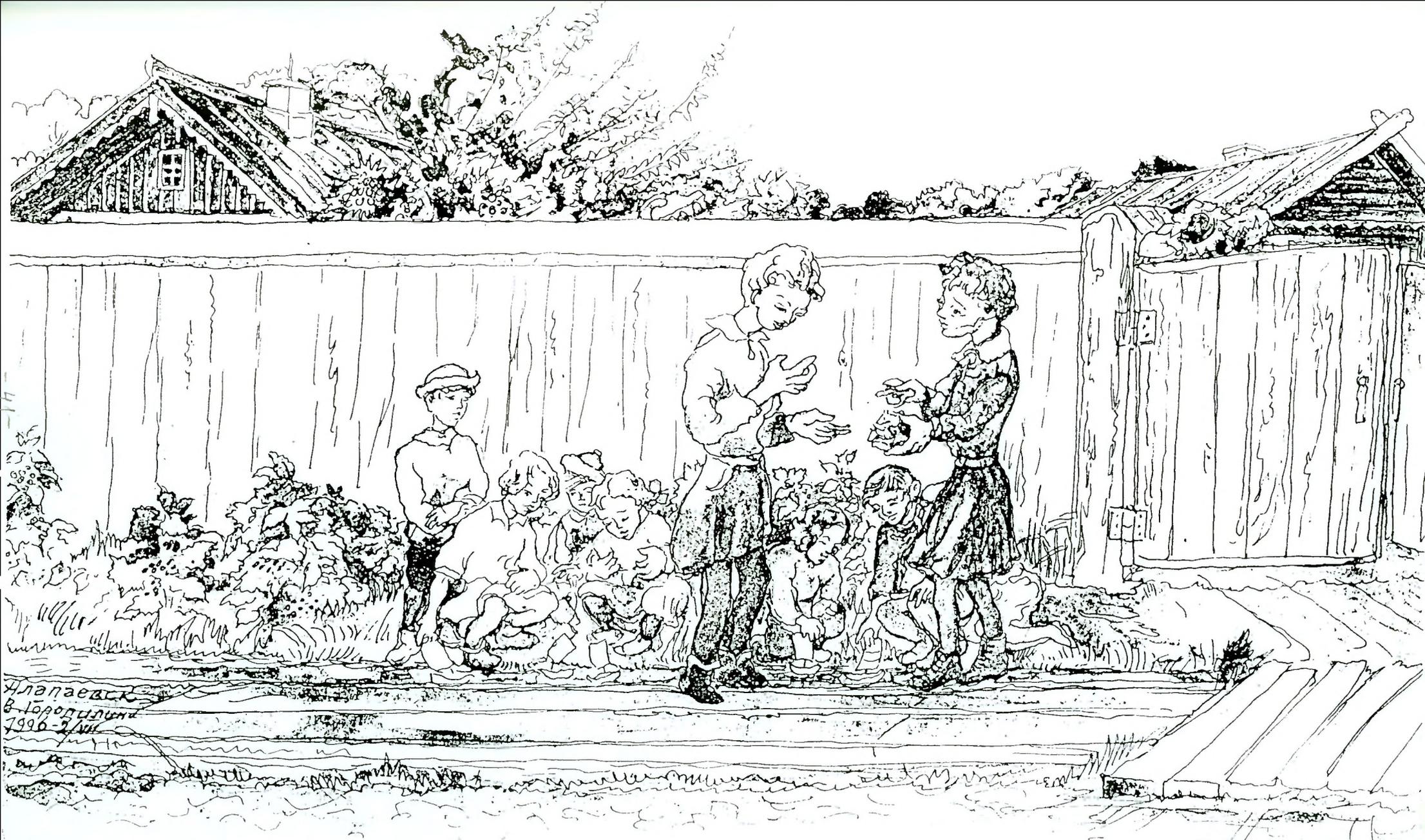
на хуторе
В Чураков

« Змея в летнем туалете на пасеке в Беневоком. 1918 г.
Открыв дверь, я увидела на полу свернувшуюся клубком ярко оранжевую змею, смотревшую на меня, подняв голову. Я осторожно закрыла дверь и, помертвев, тихо ушла.

Велосипед без номера.

Ездили мы с братом на велосипеде много но без номера и попали в милицию, испугались, а маме пришлось платить штраф. Уссурийск, 1921г.

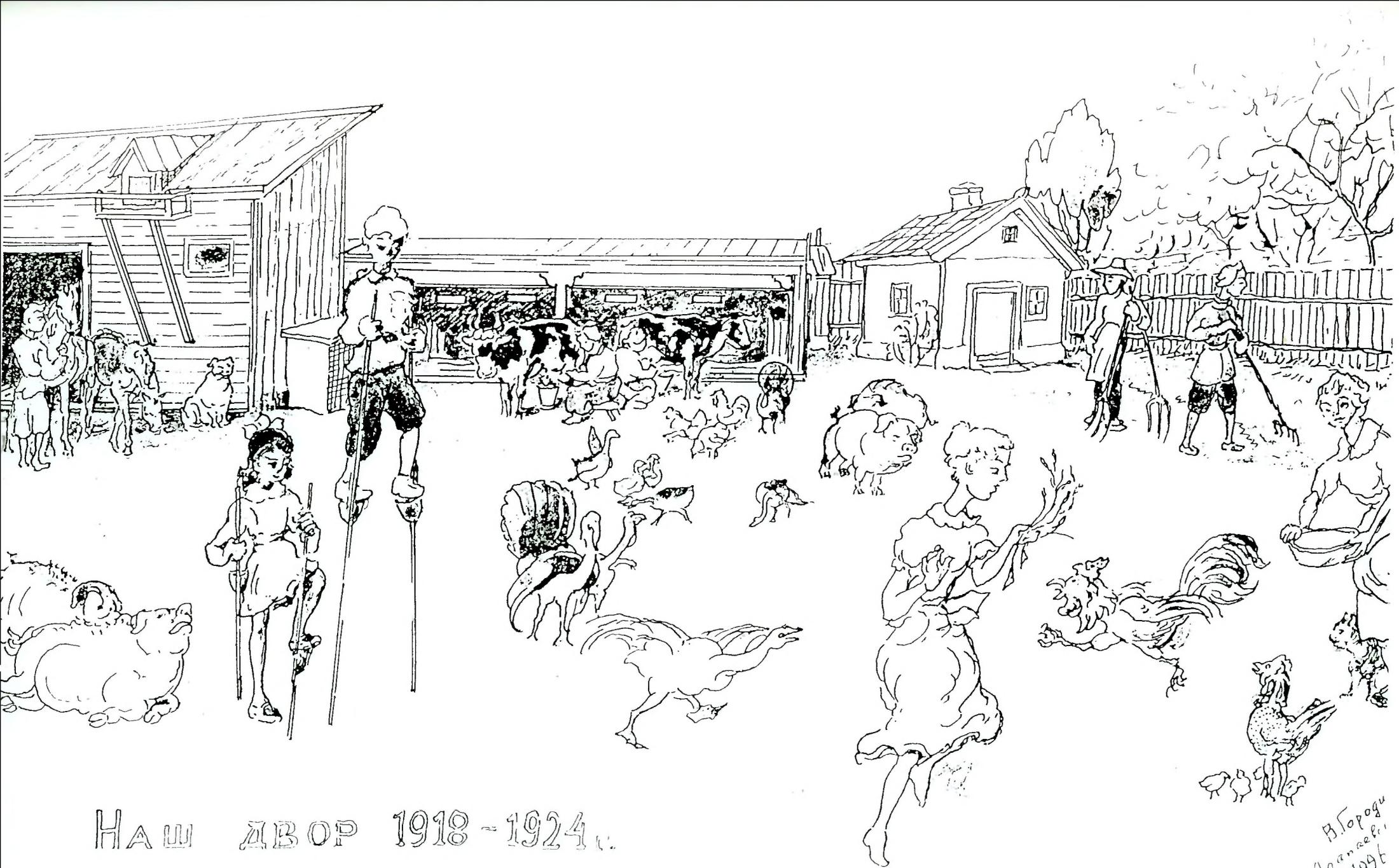

«У КАНАВЫ» Игра детей в кораблики. Я принесла показать слепленные мной животных из глины. Один мальчишка сказал: *А ну покажи!* Он посмотрел и вдруг подбросил тушку мою ладонь и все разлетелось.

В Уссурийске. 1911.

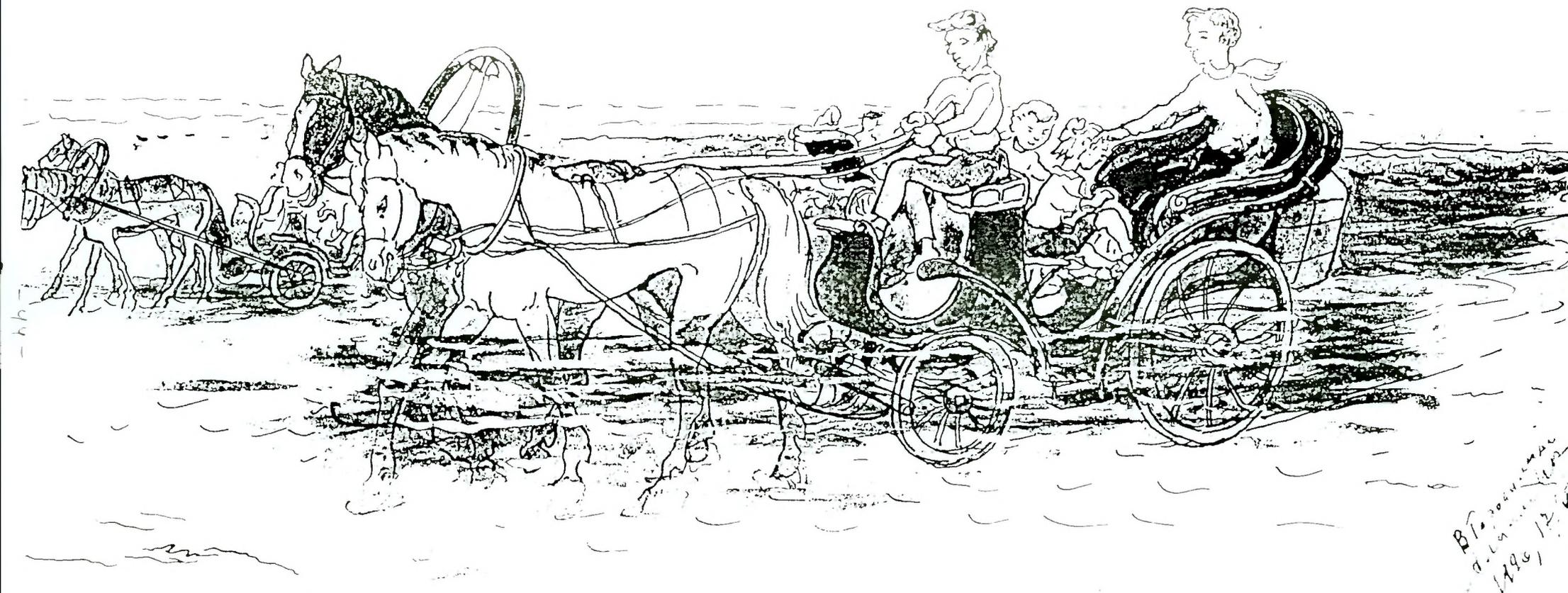

Приложение к с. 12, рисунку И. Семья. Рис. 16. «Сказка «Аленький цветочек» текст с. VII

НАШ ДВОР 1918 - 1924.

В. Гоголь
Анапа
1996

— Поездка в Тосыет на свадьбу, где мы с братом
несли шлейф невесты. На переезде через залив
начался прилив и наши экипажи залило до
ног. Это обычное явление и все ездят гужем.
Уссурийск 1918.

Никольск-Уссурийский. В саду бабушки и дедушки. 1918-1924г.
В Городилица 1998, 5 июля, Алапаевск.

-91-

В. Горюхица
1956 г. Июль
Алматы, Каз.

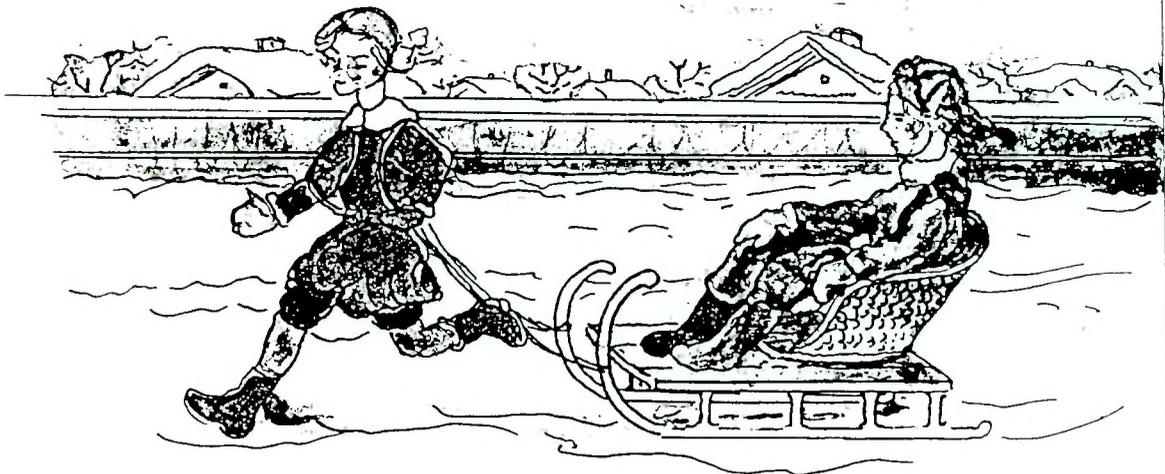
ПЕРВАЯ ВОСТАНОВИТЕЛЬНАЯ ХУДОЖНИЦКОМ. УЧЕБНИЦА 1993. НАЧАЛО ЗАВСТЫЙ.

<1996 C. A. M. D. 000 024>

1996
- 1996

Я любила быть лошадкой, а брат наездником.

В Городец на
зимних катках
1996-97
16.

Коньков была пара Снегурочек на двоих. Катались с братом каждый на одном.

Уссурийск 1921-22.

Ж РИСУНКАМ:

с.3, рис.1. ~ Это самое первое из моих детских воспоминаний и я себе представлялась 2-х летней малюткой, несущей перед собой табуреточку, на которую падает и прокусывает себе язык. В 1979 году мой дядя Миша, очевидец этого события, описал его так: " Дело происходило на нашей мельнице на речке Супутенке, где в 1912 году я был в отпуске, учась в школе летчиков. Был прекрасный солнечный день Августа, Под вечер, воскресенье, все взрослые разошлись, меня оставили с малышами. Я вынес стул на площадку между домом и огородом и читал книгу, а ты играла со скамеечкой, качаясь на ней взад и вперед. Постепенно задние ножки скамеечки уходили в рыхлую почву и она опрокинулась, а ты полетела вверх тормашками на спину. Я подбежал, поднял тебя, рот полон крови, ты увидела ее, испугалась и стала тогда только плакать сильно. Я быстро принес из дома ковш холодной колодезной воды и дал тебе попить. От нее кровь остановилась. Я посмотрел в ротик: сильный прокус языка, к счастью не до крупных кровеносных сосудов, но шрам оставался до зрелых лет, а в детские годы затруднял речь.

с.4, рис.2. «Обида». ~ Я всегда помню себя очень тихой, покладистой и послушной девочкой без капризов и никогда не плакала. Но мама говорила, что в самом раннем возрасте ~ 1-2-х лет ~ я была очень упряма. И действительно, если посмотреть ранние снимки, то там я вечно надута и чем то недовольна. Один такой случай я все же хорошо помню. Была

уже осень. Я за что-то рассердилась на маму и ушла со двора за ворота. Долго бродила по изрытому после картошки и истоптанному копытами замерзшему полю, полого спускающемуся к реке, и сочиняла повесть про бедную замерзшую, забытую всеми, девочку: пусть мама узнает каково ей будет без меня. (Вероятно повесть о бедной сиротке мне уже читали, но тут я её переживала как свою, мне было лет не более 5~6). Потом за мной пришла тетя Оля и увела домой. Мама ничего не сказала, будто ничего и не заметила. А я то думала, что она будет плакать... Больше таких экспериментов в моей жизни не было.

с.5, рис. 3. "Беневское" ~ 1918 г. По словам моего дяди Миши он знал село и хутор в Беневском давно, в нашем с братом младенчестве, но я о том не помню, а очень отчетливо удержалось в памяти одно лето и то лишь три эпизода из жизни на пасеке, где отец был лесничим. В один из таких дней летних, прекрасных, мы рано утром всей семьей пошли в лес на пикник и прогулку ~ мама, две её сестры Зина и Ольга, мальчик при пасеке Пашка, отец и я с братом Володей. Кажется, я и сейчас и дышу и чувствую и вижу как тогда, и помню лес, тропинку, высокий ствол дерева, дятла и слышу непрестанно далекий и нежный звук кукушки...

Отцу что то понадобилось на дереве и когда мальчик залез, одна из веток обломилась и он с высоты саженой двух полетел на корни дерева спиной. Дальше идти нельзя было, он с трудом поднялся и мы повернули обратно, особенно переживала за него мама. Вскоре мы уехали в город,

но здесь были еще и другие впечатления, два памятных случая.

с. 6, рис. 4. "Мёд." ~ Однажды утром на завтрак был свежий сотовый мёд. Всем дали по большому золотисто-янтарному куску, а мне только на блюдечке с конца ложки каплю. Наверное, старшие решили поразвлечься. Посматривая на брата, смакующего удовольствие, я сидела тихо, ни слова не говоря и только слезы кап, кап, кап...

с. 7, рис. 5. "Змея." ~ На хуторе был летний маленький домик, очень чисто вымытый и недавно построенный, потому что все там блестело чистой и свежестью, так же и дом, и ограда из тонких и длинных стволов молодых деревьев (и помню, светлых, значит, осин и берез), ворота такие же, В углу двора, недалеко от ворот, этот домик. Я направляюсь к нему, весело подпрыгивая, открываю дверь и застаю: на полу огненно-рыжая змея, свернувшись клубком и подняв голову, смотрит на меня молча и неподвижно. Я тихонько закрываю дверь и на ципочках ухожу. Позже я рассказала одной Зине, она ходила смотреть и ничего не нашла, сказала, что это мне показалось.

После Беневого мама снимала летом дачи по побережью залива Петра Великого на станциях железной дороги к Владивостоку. Запомнились лучше всех названия: «19-я верста» и «Океанская». Еще на слуху крепко держится Село Раздольное, но никаких впечатлений память не сохранила, так что я не знаю его роли в нашей семье. Как-то раз нас с Володей взяли на сенокос, на лошадях без седел, с мешками. Лошади хорошие, с широкими спинами, но мы отбили себе кобчики и раскорячились, что ветать не могли. Может это Раздольное?

с. 8, рис. 6. "Океанская". ~ На этих дачах было очень хорошо. Помнятся и короткие и долгие дожди, когда на крытой веранде сухо, а кругом шелест дождя, по листьям стекают капли и так всё красиво! После дождя босиком по мягкому песку и лужам... И все же летом солнечных дней больше. На Океанской мы жили не раз, купались, ловили сачком крабов, мама потом варила их. После отлива на песке оставались водоросли, звезды и медузы.

Последний день перед отъездом (навсегда из Уссурийска) на Океанской оказалась ветренным и пасмурным. Уходя, я оглянулась и будто сфотографировала навсегда: на берегу купальни с уходящими в море мостками и лесенкой, темные взволнованные волны с белыми гребнями, и всё. Вернувшись домой, сразу зарисовала по памяти в альбоме акварелью и этот рисунок сохранился у меня до сих пор, с датой: 18 марта 1924 г.

с. 9, рис. 7. "Канавы". Несколько рисунков отражают нашу уличную детскую жизнь. Она началась, когда мы стали жить в доме у бабушки на углу улиц Корфовской и Линевицкой 9/14 с 1919 по 1924 год. Я не знаю когда я начала рисовать, это как-то получилось сразу и хорошо, лет в 10, а до этого я лепила разных домашних зверушек из глины. Так, налепив однажды их, маленьких, целую ладонь, мне захотелось поделиться своей радостью с ребятами, игравшими в кораблики в луже на обочине улицы. Но занятые игрой, они не обратили на меня внимания. И вдруг один мальчик поднялся: ~ "А ну-ка, покажи!" Я, обрадованная, протянула ему свою ладонь, а он так хлопнул снизу по ней, что все мое творчество разлетелось в канаву. А к этим группам я больше никогда не подходила, да и появились у нас с братом коньки, а потом и велосипед, да и старшие стали.

е. 10, рис. 8. "Велосипед" — Одним из наибольших удовольствий «улицы» был велосипед. Он был один на всю семью: сначала на нем ездилá мамá, помню как училась Зина, Ольга, кажется, не ездилá, а Сергей. Потом его отдали нам, но по какой то причине не зарегистрированный, без номера. Однажды мы с братом катались, он как всегда на багажнике, я за рулем и выехали на площадь, где был участок милиции. Нас заметили и привели. Брат держался молодцом, хоть и смущенно, а я вся помертвела от стыда и страха. Нас отпустили, а велосипед задержали с тем, чтоб пришли старшие, уплатили штраф. Начал 20х годов было трудным и семья жила, экономя во всем. Многие тогда научились сапожному ремеслу и мамá тоже: она обшивала и нас с братом несколько сезонов кожаными ботинками. Однажды за непослушание, когда мы с Володей сбежали с ее урока во двор поиграть и не выполни задание по английскому языку, от нее попало нам шпандырем. Не знаю, выкупался велосипед или нет, но я не помню, чтоб мы на нем еще ездили.

е. 11, рис. 9 и 10. "Зимние радости" — Это коньки и санки, ледяные горы и обязательные снежные бабы с морковным носом. Их было много, никаких особых происшествий не было, чтоб остро запомнились. Я любила бегать и для меня большим удовольствием было возить санки, на них сидел Володя, он предпочитал быть наездником, а я лошадкой.

Коньков у нас была одна пара "снегурочек". В семье в те годы не было достатка, чтоб купить вторую пару и мы с братом отлично делились, получая неменьшее удовольствие: он на одном коньке, я на другом, при чем он предпочитал правый конек, а я левый, что было обоим хорошо.

с. 12, рис. 11. "Семья" ~ В то время, когда мы жили у бабушки, семья состояла из 8 человек. Все были трудолюбивы, приученные к этому с детства, но праздники и отдых соблюдались неукоснительно. Жизнь у бабушки для нас с братом кажется теперь сплошным праздником и удовольствием, особенно тяга у старших к искусствам. Библиотеки не было, но книги были и читали много. Особенно мне помнится то, что было в этажерке в гостиной: журнал «Нива»¹⁹⁰⁵, переплетанный за год, Брем, Даль, семейные альбомы, и по искусству: мы знали все картины известных художников, особенно русских, в репродукциях и альбомах, журналы «Мир искусства» ~ Жар-птица, Град Китеж, альбом рисунков на стихи Лермонтова ~ Белеет парус одинокий, Сосна, Ночевала тучка... Бенуа, Серова, Шишкина, ~ но самой любимой мною книгой была "Старый моряк", черная, большого формата с гравюрами Доре! Дядя Сережа прекрасно рисовал и на ф.п. играл по слуху, а тети Зина и Ольга так часто пели дуэтом, разбирая и заучивая партии без аккомпанеента сами. Их репертуар общий классический того времени: романсы и арии из опер. Их голоса удивительно сливались и казались мне ангельски хороши и музыкальны, эстетически проникновенно затухая постепенно вдаль "Слышали ль вы, слышали ль вы?... Мама очень любила музыку и хотя сама не пела, но во время работы обыкновенно напевала негромко и очень верно. Кроме этого она так рисовала, что я считаю у неё был настоящий дар, который она не только не развивала, но и не признавала за собой. Когда я начала учиться на фортепиано (кажется в 1920~21г), домой приходила учительница, а вскоре уже мама под мою игру любила работать, а особенно при гостях, под их разговоры я так привыкла, что не боялась и даже любила играть для них. На рисунке один из таких семейных дней, когда каждый занят своим делом. Володя всегда что-нибудь ма~

стерил, бабушка с хозяйственной заботой, Ольга и Зина разбирают ноты и эстампы, я с учительницей, а мужчины — Сергей рисуется своим нигилизмом. Он часто досаждал бабушке. Жил он в комнате с отдельным парадным выходом на улицу. Однажды, за что то накануне, он слепил и отлил из гипса свою голову, водрузил её на стол, а на спинку стула повесил свой пиджак и через дверь исчез. Когда бабушка вошла со спины сидящего, то окликнув, не дождавшись ответа, подошла ближе. Поняв обман, она так расстроилась, что горько заплакала. А нам, хоть проступок и казался восхитительным, было её жаль и после Сергею попало сильно от всех. Время было трудное и бабушке особенно было тяжело: вскоре уезжала мама с ее любимыми внуками и навсегда... Федор Иванович пользуется в труде передышкой: он не только хозяин дома, но и страстный садовод — любитель. Окна гостиной выходят в цветник. Летом всё благоухает: табак, левкой, резеда... А мама всегда занята и общительна, вот и сейчас с каким то шитьем и у неё гостя. За окном справа столовая, а дальше две двери: в нашу и сестер. С этой комнатой связано чудесное воспоминание: коллективное чтение сказки "Аленький цветочек". Скинув обувь, мы забирались на чьюнибудь постель — Зина, Ольга, Мама и я с братом и с упоением слушали чтение по очереди. Молодые и смешливые сестры приходили в восторг от слов, выражений, переживаний героев и фантастических чудес, непрестанно прерывая чтение возгласами и смехом. Такое живое чтение на всю жизнь оставило любовь к этой сказке особенно, и другую — "Руслан и Людмила", а с ней и к музыке той же оперы.

с. 13, рис. 12. "В студии." — Я не помню себя рисующей раньше 2-го класса школы, где я училась, а мама преподавала английский в других классах. Из своей поездки

56 -
В Японию на экскурсию она привезла массу впечатлений о красоте и открытки её видов. Для её занятий по её просьбе я срисовывала эти открытки в большем размере весь год и следующий. В 1923 году у меня появились первые альбомы, куда я зарисовывала видимое и с натуры (брат на двуколке, правящий лошадью Лаурой) и копий (рыжий полосатый тигр, кажется из «Нивы»), и фантазии (во всех движениях и видах лошади силуэтом тушью). Однажды мама повела меня к художнику Дубицкому, в коричневой вельветовой рубашке с черным бантом и лысиной, хотя на вид лет 36. Посмотрев мои рисунки, спросил: «Что ты любишь более всего рисовать? — Лошадей.» Тогда он достал набор открыток, я выбрала белую (я не умела раскрашивать морды лошадей и это знала) и учитель дал мне картон, масляные краски и задал ее скопировать. Так прошло два занятия, на третьем художник сам нарисовал светло-зеленую рамку, сказав: «картина должна выделяться». Больше занятий не было: мы вскоре уехали и он нас провожал на вокзале. Через много лет я ее снова увидела, в Москве, у друзей Зины, которые ее сохранили в память о ней. Картина нарисована очень не плохо и нисколько не изменилась, как с тех пор. Как и тогда, я подозреваю, что художник приложил свою руку, была им закончена и подарена Зине. Она ею дорожила, потому и сохранилась.

с. 14, рис. 13. — Этот сад Бушки и дедушки Собченко. Мы часто там собирались с друзьями для детских игр. Пятнашки, ходьба на ходулях, индейцы. Был там Витя Сольский сын маминых друзей, очень образованных, культурных людей. Дома они имели современные технические игрушки — пособия: солнечную систему со всеми планетами, железную дорогу. Была Надя, фамилию не помню, но общая фотография сохранилась. Еще была моя подруга Илария Ким с братьями и сестрами и старший ее брат

55 -

Мы поедали ревеня, из тыквенных трубок надрезав конец, делали ревушие дудки и мечтали о барбарисе и облепихе, кусты которых росли вдоль забора и дедушка нам запрещал ими лакомиться. Обилие было ранеток, смородины, малины и особенно нашего любимого паслена, которым никто не запрещал наедаться вволю. Очень соблазнительно краснела последняя ранетка на дереве. Ее специально оставляли дереву, чтоб оно плодоносило на следующий год, так она и зимовала, если птицы не съедали.

с. 15, рис. 14. "Посвет" ~ Здесь поездка в Посвет к каким-то родственникам всей нашей семьей. Я с Володей были назначены нести шлейф невесты. На рукава нам повязали банты, ему голубой, мне розовый. Я была очень обижена и настроенно испорчено: не любила розовый цвет и считала, что мальчикам больше идет розовый, а мне голубой, а красный цвет вообще меня оскорблял. С ним связан очень тяжелый случай. В году 1917 нас повели с братом в церковь исповедываться и причащаться и к этому торжеству мама с большой любовью сшила мне белое платье и приобрела прекрасный шелковый красный пояс с бахромой и вышивкой, повязала его бантом мне на бедра ~ "Красный! Не хочу, не хочу!". Мама была очень, очень расстроена, она умела и любила делать все красиво. Самое же приятное в поездке в Посвет был переезд по мелководью в экипажах. Начавшийся прилив стал заливать днища колясок, поднимались ноги, снимались чулки, а солнце сияло и блестело на глади залива и так приятно хрустел гравий под колесами! Это было чудесно.

с. 16, рис. 15, "Двор" ~ Этим я завершаю цикл рисунков по памяти о своем дет-

стве: Двор бабушки и дедушки последних лет, 1923~1924 — в нем показано все хозяйство и каждый занят своим делом. Лошади, коровы, свиньи, птица и мы сами. Гусаки постоянно преследовали Зину, но больше всех не взлюбил её петух и не пропускал мимо. Однажды я сделала гусаку выговор: "Не обижай Зину!" и взяв за шею, погрозила пальцем, а он клюнул меня в верхнюю губу и белый след остался на всю жизнь. После нашего отъезда семья распалась, дом был конфискован. Фотографий было много, однако мои рисунки сделаны не по фотографиям, а по памяти, как всё сохранилось в ней. Сходство лиц я не ставила своей задачей, а лишь факт, действие, композицию и характеры.

*Задувано и напечатано 29 июня 1996, закончено
Бавгуستا 1996. В. Городилина. Алапаёвск.*

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ.

Нашему городу повезло на увлеченных, одаренных, талантливых людей. Живет в нем с 1947 года человек интересной, творческой судьбы - Вера Борисовна Городилина. А родилась она в городе Никольск-Уссурийске /ныне Уссурийск/ Приморского Дальневосточного края. Волею судьбы с 1924 года по 1939 год семья проживала в городе Харбине, ставшем в начале века крупным железнодорожным узлом и экономическим центром всей Маньчжурии. Его обдували ветра значительных событий этого региона первой половины столетия, вплетающихся в историю и нашей страны и Китая. Уже в 20-е годы он считался культурным центром всего дальневосточного эмигрантского русского расселения.

Вся юность Веры Борисовны Городилиной прошла в этом красивом восточном городе, сравниваемом современниками с Петербургом. В Харбине была богатая музыкальная и театральная жизнь. В 1929 году Вера Борисовна закончила гимназию имени Достоевского, после её окончания увлеклась живописью. С детства занималась музыкой, но получить полного музыкального образования ей не удалось. Жизнь в городе, богатом культурными традициями наложила отпечаток на мироощущение и мировосприятие В.Б. Городилиной. В 1939 году Вера Борисовна вместе со своим мужем и сыном переехала в Китайский город Шанхай. В 1947 году в числе репатриантов вернулась на Родину. По предложению Свердловской распределительной комиссии и по собственному желанию приехала в Алапаевск работать художником в 1947 году.

А работать устроилась в 1948 году преподавателем по классу фортепиано в музыкальную школу и проработав там всю жизнь

до выхода на пенсию в 1967 году. Параллельно преподавательской деятельности Вера Борисовна занималась изыскательской работой по музыкальным инструментам народов мира и жизни П.И. Чайковского в Алапаевске, вынашивая заветную мечту - создать в городе музей им. П.И. Чайковского. Приходилось много ходить, убеждать по крупицам собирать необходимый материал, вести переписку с музеем в городе Воткинске с частными лицами, с архивом в городе Клину, с архивом завода наследников С.С. Яковлева. И вот наконец в 1990 году музей открылся в отремонтированном здании благодаря таланту, энергии, настойчивости и поразительному терпению В.Б. Городилиной.

В центральной городской библиотеке есть подаренные ей уникальные документы, фотографии, книги.

Городилина В.Б. Жизнь Чайковских в Алапаевске: Документальная повесть. - Алапаевск, 1986. - 172 с.

Это научный труд, обобщающий обширный исследовательский материал о жизни Чайковских в Алапаевске 1849-1852 гг.

Источниками для изучения жизни семьи Чайковских явились семейные письма из архивов, материалы к биографии, многочисленные документы, сборники научных докладов на конференциях в Воткинске, посвященный Чайковскому на Урале, рассказы старожилов о доме управляющих в начале XX века в Алапаевске, материалы из писем краеведа Н.С. Шарина к В.Б. Городилиной.

Повесть состоит из 3 частей.

Ч. 1 Дом Чайковских.

Ч. 2 Чайковские в Алапаевске.

Ч. 3 Семья Чайковских.

Все остальные материалы, подаренные Верой Борисовной сгруппированы по темам и оформлены в досье "Из архива Веры Борисовны Городилиной".

С юношеских лет Вера Борисовна увлекалась живописью. Многие её работы можно увидеть в городском музее изобразительных искусств. С 1992 года она всерьез заинтересовалась станковой живописью. В Новосибирском вестнике Харбин помещена статья;

Городилина В.Б. А краски всё не тускнеют // Харбин.- 1992.-№1 /февр/.-С.3. в которой автор делится своими воспоминаниями об учебе в художественной студии А.Е. Степанова в г. Харбине. О первых шагах, трудностях, разочарованиях и неуемном желании писать живописные полотна, натюрморты, наброски.

"Из семейного альбома": Фотоальбом: Ксерокопии.- Алапаевск, 1996.

Подборка фотоматериалов семьи В.Б. Городилиной /родителей, сестер, родственников/. Есть фотография прелестной годовалой девочки Веры Чураковской /Городилиной/ в Уссурийске и фотография В.Б. Городилиной в возрасте 83 лет. Фотографии дадут возможность проследить жизненный путь семьи.

Жизнь увлеченного, творческого человека совершенно немислима без переписки с коллегами, друзьями, архивами и редакциями. За долгие годы у Веры Борисовны накопилось множество писем, часть из которых она также подарила библиотеке.

Городилина В.Б. Письма: 1990-1991.-31 С.

Письма сгруппированы в подборку, которая названа "Личная переписка В.Б. Городилиной".

Среди её респондентов – работники вестника "Харбин" /Новосибирск/, есть личные воспоминания о первых творческих шагах в Алапаевске, об идее создания в городе музея им. П.И. Чайковского, об увлечении живописью.

Городилина В.Б. Сказки моего детства: Воспоминания о жизни с 1911 по 1924 г. в г. Никольск-Уссурийском /Рис. и текст автора.-Алапаевск, 1996.-26 с.

Память Веры Борисовны сохранила яркие картинки из детства о жизни в семье бабушки до отъезда из Никольск-Уссурийска в 1924 году. Помещено в альбом 16 рисунков, которые снабжены комментариями, поясняющими события и увязывающие их в единый сюжет.

Городилина В.Б. В окрестностях Алапаевска: Зарисовки.- Алапаевск, 1949.-6 с.

Пожелтевший альбом "хранит" карандашные наброски туристических походов в Нижнюю Синячиху, на гору Ялуниха /1952/.

В походе принимали участие студенты 1 курса горно-обогатительного техникума.

Харбин. Рекл.-информ. вып. ассоциации "Харбин".-Новосибирск 1990.-1993.-Газ. выходит 4 раза в год.

1990, №1,2.

1991, №1-4.

1992, №1-4.

1993, №1,2,4.

Выпуски вестника "Харбин" подготовлены творческо-производственным объединением "Журналист" Новосибирской областной организацией Союза журналистов СССР в типографии издательства "Советская Сибирь".

А ещё библиотека получила в подарок от Веры Борисовны 2 книги с дарственной надписью.

Абросимов И. Под чужим небом.—М., Молодая гвардия, 1990—349 с.

Это небольшая документальная повесть-воспоминание о 20-х годах в Манчжурии открывает малоизвестные страницы в истории России и Китая. Многолика жизнь Харбина, ставшего прибежищем для многочисленных российских эмигрантов ...

Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи.—Новосибирск, Новосибирское кн. изд., 1991.

Книга повествует о литературном наследии русского Харбина. Произведения, составляющие сборник, даны по зарубежным и отечественным публикациям с указанием источника.

Очень надеюсь, что досье "Из архива В.Б. Городилиной" будет пополняться новыми материалами об этом удивительном человеке, обладающем разносторонними талантами.

А. Кокарева